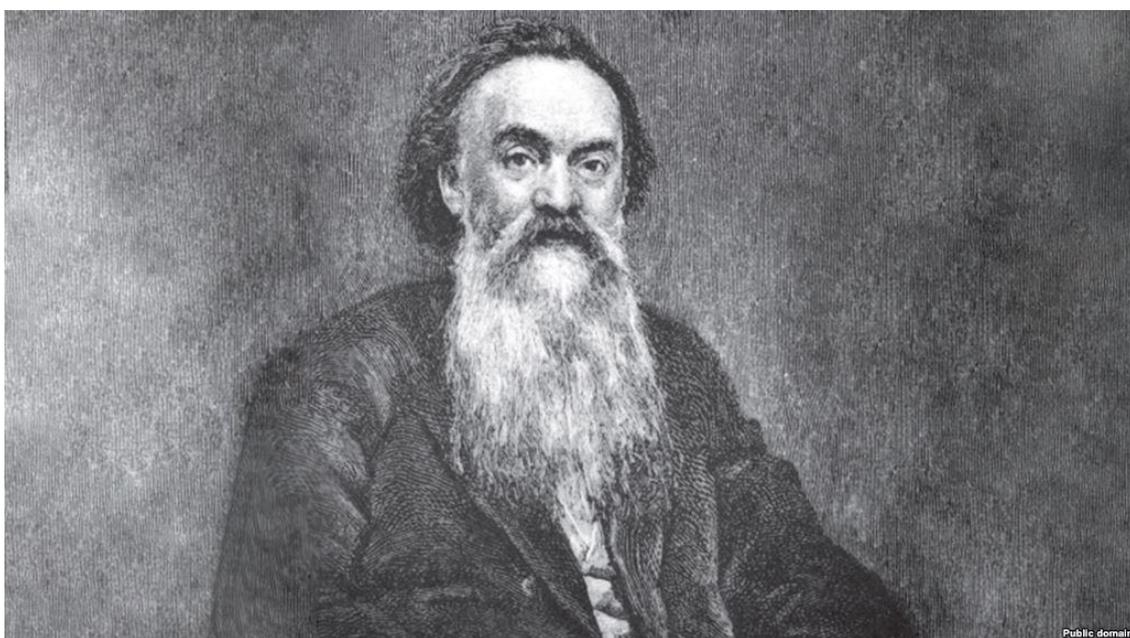

Поздний славянофил. Жизнь и идеи Николая Страхова

Борис Парамонов

17 Октябрь 2018

Николай Страхов

Исполнилось 190 лет со дня рождения Николая Николаевича Страхова (1828–1896) – биолога, видного русского критика и публициста, многолетнего соратника величайших русских гениев – Толстого и Достоевского. Это ведь Страхов первым назвал Льва Толстого гениальным писателем. Вот что он написал в 1865 году: "С появлением пятого тома "Войны и мира" невольно чувствуется и сознается, что русская литература может причислить еще одного к числу своих великих писателей. Кто умеет ценить влечения и строгие радости духа, кто благоговееет перед гениальностью и любит освежать и укреплять свою душу созерцанием ее произведений, тот пусть порадуется, что живет в настоящее время".

До конца дней Страхов оставался в числе близких людей Толстого. Еще более тесной была его связь с Достоевским: вместе они издавали журналы "Время" и "Эпоха". Направление этих журналов называлось почвенническим, отчего и идет представление о Страхове как славянофиле второго этапа, самым авторитетном представителем позднего славянофильства. Но как и положено

культурному славянофилу, Страхов отнюдь не был националистическим обскурантом. Об этом можно судить по такому, например, эпизоду. Во время польского восстания 1863 года он напечатал в журнале «Время» статью «Роковой вопрос». В статье говорилось, что «старинный спор славян между собою» решается отнюдь не на славянской почве, а в оппозиции Россия – Европа. Польша – страна гораздо более высокой культуры, воспринятой из европейского католицизма, и Россия никак не может рассчитывать на победу в этом противостоянии, пока она сама не выработает своей собственной культуры, превосходящей европейскую. Самое главное в строе мысли Страхова было то, что он верил в конечную культурную победу России, в способность ее создать высший тип культуры. Но этот общекультурный контекст меньше всего мог повлиять на власти, и журнал «Время» был закрыт.

Несомненным достоинством Страхова как литературного критика была защита им представления о литературе как области художественного творчества – в отличие от критиков радикального лагеря, которые, начиная с Белинского, стремились видеть в литературе главным (если не единственным) образом отражение общественно-политической борьбы. Такой эстетизм был очень не в моде в шумные годы великих реформ, когда активизировались именно эти радикалы, и Страхов – так же, как и другой критик-эстетик Аполлон Григорьев, – отнюдь не были властителями дум так называемой передовой молодежи. Страхова оценили позднее – в конце века, в годы русского религиозно-культурного ренессанса. Вывел его из забвения им же введенный в большую литературу В.В. Розанов – в книге под характерным названием «Литературные изгнанники».

Яков Полонский, Николай Страхов и Афанасий Фет (слева направо), Воробьевка, 1880-е

Страхов считается поздним славянофилом. Каков же вариант его славянофильства? По образованию Страхов был биологом, защитил магистерскую диссертацию. Специальное образование, несомненно, расширив его умственный кругозор, в чем-то и сузило его мировоззрение. А именно – биологические аналогии, с которыми он пытался судить о культурных явлениях, например о

мировой истории. История народов, считал Страхов, имеет некое предзаложенное содержание, подобно семени дерева. Из одного семени разовьется дуб, из другого береза. Так и в истории народов: Россия основана на иных началах, чем европейские западные страны, и она пойдет своим путем. Особенно укрепился Страхов в таких мыслях, когда в 1871 году вышла книга Н.Я. Данилевского, тоже биолога по образованию, "Россия и Европа". Данилевский в первом приближении сделал то, что потом с оглушительным успехом предпринял Шпенглер: отказался от идеи единой человеческой истории, указав на существование не сводимых и не сравнимых культурно-исторических типов, каждый из которых призван, предопределен к собственной автономной модели развития. Это, конечно, не так. Человеческая история не может быть моделирована биологически, в ней действует не судьба, а свобода. И Страхов убедился в этом как раз на примере России. Вот что он писал в 1871 году:

"На святой Руси никогда этого не будет; ни французская мода, ни немецкий прогресс никогда не будут у нас иметь большой власти и серьезного значения. Не такой мы народ, чтобы поверить, что глубокие основы жизни могут быть сегодня открыты, завтра переделаны, послезавтра радикально изменены".

А вот что десять лет спустя:

"Может быть, нам суждено представить свету самые яркие примеры безумия, до которого способен доводить людей дух нынешнего просвещения; но мы же должны обнаружить и самую сильную реакцию этому духу; от нас нужно ожидать приведения к сознанию других начал, спасительных и животворных".

Трудно было сохранить такой биологический, что ли, оптимизм, человеку, ставшему свидетелем царевубийства.

Потом, до конца века, наступило какое-то затишье, и Страхов кончил свою жизнь как бы успокоенным. Но уже в новом двадцатом веке затишье кончилось. Страхов этого не увидел. Но урок остается: нет в истории никакой органики, никакой предопределенности. Да, в природе существуют деревья. Но в истории кроме деревьев имеются топоры.